

Литературная газета

Орган Союза Советских писателей СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. ВАГРИЩЕГО** А. ВОЛОТНИКОВА
М. КОЛПАКОВА, В. ЛИННА, А. СЕРВАНОВСКОГО, Я. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУБОШКО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИНЕВИЧ.

№ 120 (436)

8 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ОРГАНИЗАЦИОННУЮ РАБОТУ НА УРОВЕНЬ НОВЫХ ЗАДАЧ

Правление Союза советских писателей приступило к работе.

На Оргкомитете Союза, действующем до первого всесоюзного съезда, лежала задача подготовки организационной работы предстоящего съезда. Эта большая работа под руководством партии, так много внимания уделявшей писательскому съезду и при ближайшем участии А. М. Горького — выполнена и одобрена съездом. Избранному съезду правления Союза предстоит разрешить дальнейшие, более сложные задачи: организовать творческую работу Союза советских писателей, развивать, превратить в мощное движение те, по существу, первые шаги, которые были сделаны до съезда в области объединения литературных организаций, работы с молодыми писателями и т. д.

До съезда слабость творческой работы, несовершенство ее организационных форм наложилось в сочетании с размахом литературного творчества в нашей стране, с той громадной ролью, которую играет художественная литература в деле воспитания трудящихся в духе социализма. Многим мероприятиям, направленным на объединение писателей, широкой перспективой. Так, например, «Союз наук и литературы», в котором много и охотно творилось, реализован в очень слабой степени. Работа в этой области не пошла дальше случайных встреч, при этом лишены целенаправленности. Другой пример: объединение литераторов народов СССР. Бесспорно, что братья Оргкомитета здесь принесли немалую пользу. Однако характерно, что несмотря на их продолжительную работу лишь на съезде было открыто богатство всеобщих литератур.

А. М. Горький в своем выступлении на первом пленуме нового правления указал на необходимость организации альманаха литературы народов СССР и создания театра национальностей. По-новому и глубоко правильно поставлены Горьким вопросы работы с молодыми. Именно так, как предлагает Горький, систематическому научному воспитанию квалифицированных работников любой специальности и области творчества учат партия и т. Сталин. Не может быть в работе с молодыми дальше терпимо некаленифицированное, бесперспективное кустарничество по принципу «всяк молодец на свой образец»!

Не менее квалифицированная работа нужна и с кадрами Союза писателей. Организация широкой сети консультаций по самым разнообразным вопросам, вставшим перед писателями в процессе творчества (наука, техника, экономика, культура и т. д.), создание большой справочной библиотеки, рукописного фонда (в том числе иностранных рукописей) и т. д. — все это совершенно необходимые составные элементы творческой работы Союза писателей. Эта работа должна быть всеобъемлющей, целеустремленной. Она должна преследовать твердую цель: помочь советским писателям поднять качество своей работы, она должна оказывать творческую помощь писателю.

Таковы задачи и творческой дискуссии, которая, несомненно, будет и дальше широко развертываться. Но важно, чтобы эта дискуссия, с одной стороны, была освобождена от схоластики, примеры которой мы наблюдаем на ряде последних дискуссий, а с другой стороны от группового, необъективного подхода к вопросу. Одной из основных задач руководства Союза является решительная ликвидация всяких проявлений групповщины. Правление Союза и его оперативные органы — секретариат и президиум — будут работать одинаково плодотворно и успешно со всеми советскими писателями, вне зависимости от оттенков их творческих взглядов. Столь же решительно, как с групповщиной, нужно бороться и с попытками административного зажима дискуссии по творческим вопросам. Всякая такая дискуссия, если она не преследует целей групповых, полезна и необходима делу развития советской литературы.

Особая роль во всей этой работе принадлежит писателям-коммунистам. Партийная группа Союза писателей представляет собой мощную творческую и политическую силу. Под руководством Центрального Комитета писатели-коммунисты должны возглавить всю многообразную творческую работу Союза.

Обсуждение конкретных явлений живой литературной действительности является одним из способов подъема нашей критики, отстаивание которой вопиюще. Здесь также чрезвычайно полезны предложения т. Горького о создании учебной программы для начинающих, учебников по вопросам творческого мастерства, истории литературы и т. п. В этой работе критикам следовало бы действовать коллективно, по примеру писателей, среди которых коллективные формы будут продолжать развиваться и много способствовать созданию новой литературной общественности.

И когда мы говорим о критике, когда мы говорим о творческой работе Союза — нельзя не предвзвешивать тяжелых обвинений нашим журналам. Именно они должны работать с критиками (мы подчеркиваем: работать, а не только печатать их статьи), именно они должны находить новые формы творческой работы среди писателей, быть творческими литературными центрами, как принято говорить. Между тем много ли в наших журналах проявлено инициативы, много ли нового они внесли в общественную литературную жизнь? Как осуществляют они — да и издательства — связь с читателем? Никто из них не придумал ничего даже отдаленно похожего на ту замечательную работу, которую провел Горький с пионерами. А ведь нам нужно именно активное изучение читательских интересов. Мы еще раз решительно подчеркиваем необходимость коренной перестройки системы работы журналов.

Перед Союзом советских писателей и его правлением — громадная поле для работы. Она может быть успешно выполнена лишь при активном участии и поддержке всех писателей. К этому мы их и зовем!

ИЗДАНИЕ КЛАССИКОВ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ

Все растущий спрос на классическую литературу заставляет из года в год усиливать внимание к изданию классиков, увеличивать тиражи и количество названий классических произведений. В 1934 г. ГИХЛ издало несколько однотомников, продолжены начатые издания собрания сочинений, предприняты новые. Однако не было ни одного широкого читательского собрания, на котором не раздавались бы настойчивые требования еще и еще увеличить издания классической литературы. Разумеется, и то, что мы получим в 1935 г., не способно будет полностью удовлетворить спрос советского читателя, но нельзя не приветствовать значительное расширение плана изданий предстоящего года по сравнению с истекшим.

Ориентировочно план сектора классики на 1935 г. заархивирован в 110 миллионов листов-оттисков. Намечено издать не менее двенадцати однотомников. В 1935 г. начнется издание собрания сочинений Мопсама; в течение года будет выпущено 8—10 томов. Решено выпустить 12 томов академического Толстого, с увеличением тиража издания с 5 до 10 тысяч экземпляров. Расширен выпуск Бальзама. Вместо намеченных 18 томов будет выпущено 24. Закончится издание Флора.

Увеличен также план изданий 1934 г. Сверх того, что было намечено в начале года и почти полностью реализовано (не считая в производство оставшихся еще два тома Бальзама и два тома Флора), в этом году будут сланы в производство однотомники Диккенса и Успенского, «Преступления и наказания» Достоевского, сборник семидесятилеток.

Состояние производственного портфеля сектора классики ГИХЛ на сегодняшний день обещает нам появление в ближайшее время около 15 книг. Сейчас печатаются «Темное дело» Бальзама, 7-й, 8-й и 11-й томы собрания сочинений Гете, содержание которых составляют «Годы учения», «Годы странствования» и «Путешествие в Италию»; второй и третий томы собрания сочинений Пушкина и «Саламбо» Флора. Вслед за ними появятся: однотомник Гоголя, четвертый том собрания сочинений Пушкина, однотомник Чехова, его же сборник избранных произведений и «Приваловские миллионы» Мамин-Сибиряка.

Вчера получен сигнальный экземпляр впервые издаваемого ГИХЛ романа Анатоли Франса «Остров пингвинов».

Литературная молодежь Франции

Во Франции издаются многочисленные мелкие газеты и журналы второго ранга значения, где начинающие писатели могут сравнительно легко пожать свою голову или стихи. Такими являются «Понтальев», «Бургоны д'Ор», «Ревю дю Сантр», «Нирене литерер». Существуют также кружки, которые стремятся подчинить себе деятельность этой литературной молодежи. Редакция часто вербует своих сотрудников среди честолюбивой молодежи, которая жаждет славы или денег. Слава она добывается в «ухо местным вурту и, подчиняясь жалким требованиям, развивая темы о любви или природе, почти полностью вытеснявшие все социальные проблемы. Такой заказ, «второй щедро оплачивается! Неудивительно поэтому, что многие начинающие писатели отказываются от отчаянной борьбы за существование, предпочитая становиться буржуазными журналистами.

Другие, лучше осведомленные и более отважные, пытаются сразу погрузиться в большую парижский журнал или в одно из провинциальных периодических изданий, которые, как например, «Кайе дю Сюэ» пользуются солидной репутацией, наравне с «Ревю де Пар» или «Ревю Эбдокадер». Но им долго приходится стучаться в закрытые двери «святыни», ибо каждый журнал создает свое ревизию и недовольную среду.

В завершение они часто колеблются между законным желанием быть и литературными и политическими убеждениями. И в самом деле, одни только буржуазные или реформистские журналы достаточно богаты, чтобы платить своим сотрудникам. Молодые писатели колеблются еще и потому, что их политическое воспитание не позволяет им твердо держаться определенного курса в литературе.

Каково же в действительности положение французской периодической прессы?

Закрывает «Корреспонданс», старого клерикального и буржуазного журнала, совпало с внезапным появлением целого ряда молодых журналов, что еще не означает, что во главе их стоит молодежь.

Элементы аристократической молодежи, т. е. люди из земельной или экономической интеллигенции, побуждаемые жалкой деятельностью или честолюбием, группируются вокруг тех, кто под маской молодежи довольно плохо скрывает фашистскую гримасу. Они подписываются на «Ревю Юниверсаль» — ветхую, которую титно

считают возродить Тьерри Монье, Р. Брауэля и Жан Моксансе. Те же лица, которые редактируют традиционный «Ревю Франсез», то еженедельник, то еженедельник, чаще всего одновременно сотрудничают в монархическом «Ревю дю Сьель», где Жан де Фабрег вероятно во имя пылкой молодежи преклоняется перед монархистами Шарлем Морасом или маркизом де ля Тур дю Ира.

Все эти издания сияют осуществив компромисс между старыми методами буржуазного правления и политикой опьяненной Муслинии и Гитлером. Откровенно и исключительно фашистского журнала до последнего времени не существовало. Этот «пробел» отныне восполнен Жюлем Ромеом, Жаном Тома и несколькими «стумансиями», шесть месяцев назад основанным журналом «Ом нуво» («Новый человек»), на самом деле новый, так как он представляет «по-прежнему» и мурлычат оригинальный лозунг: «Если мы, фашисты, не сотворим социализм, кто сможет его установить?»

Наряду с этими правыми журналами существует небольшое число таких, которые ставят себе как наивысшие цели эстетические задачи. Из них наиболее известны «Ну-вель ревю Франсез», основанный еще Жюлем.

Большая часть тех, кто теперь печатается, стремится завоевать симпатии и справа и слева, пишет в «Орих нуво» («Новый порядок», читай: фашистский порядок, однако не отказывается от сотрудничества в «Ну-вель ревю Франсез», в «Кайе бле» или в «Эспри», который редактируется почти исключительно молодежью, помещающей там самые великие примеры, идеологической анархии: христианский социализм, антифашистские речи, страстные статьи на коммунизм и теорию «общинного этюма» Пьера Пазо.

Не следует недооценивать серьезности положения, до и не надо его страшиться, ибо вот уже год, как три революционных журнала широко доступны для молодежи и один из них «Жен революцион» («Молодая революция», резервируемый исключительно для нее, приобретает все большее возрастное значение, почти равное значению «Фроп», крайне редко среди среды всей серьезной периодики. Кроме того «Мон», редактируемый Бурбосом, снова становится великодушным оружием борьбы, так же, как «Бюжон», орган Ассоциации революционных писателей и художников. В этих журналах молодые успешно подтверждают ту основную

ПОЛЬ ТЕВО.

5 сентября 1934 г. в Доме советского писателя состоялась встреча немецких писателей, участников первого всесоюзного съезда советских писателей, с немецкими рабочими, работающими на московских предприятиях.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Это была одна из наиболее интересных и поучительных встреч за последнее время. Сотни иностранных рабочих, прибывших в разные годы в Москву, работающих на крупнейших предприятиях пролетарской столицы, люди, из которых многие невольно еще находились во власти социал-демократических иллюзий, «австро-марксистских» туманов, пришли в Дом советского писателя, чтобы рассказать гостям из вас иностранных писателей о своих настроениях, о своих повседневных делах, о своей жизни и работе, радостях и печали.

Нельзя было без глубокого волнения слушать эти прости, искренние повести, с необычайной яркостью воссоздавшие всю изумительную атмосферу наших дней, все особенности социалистического быта, ряд незабываемых деталей великого процесса становления нового человека, формирования новой психики, нового строя мыслей, чувств, интересов, стремлений.

Никаких теоретических обобщений (и выдвигают товарищи Цертль и Мюллер (Электротроиз), Кулла и Файнер (Станкозавод), Мильна (Метрострой) и Хайдер и многие другие не навязывали своим собеседникам: они отграничивались почти протокольными сообщениями о том, как сложилась их личная жизнь, их личная судьба, по штриху за штрихом, краской за краской все эти «протокольные» сообщения складывались для зарубежных писателей в некую собирательную биографию революционного пролетариата, строящего свое счастье бесклассовое общество.

Шуфуринцы из Флоридорфа, гамбургские слесари, рурские шахтеры, берлинские металлисты рассказывали о том, как страстно любили они сейчас свое производство («Не меньше, чем домашний хозяйка своей семейной уют»), по словам работницы Мюллер из Электрозавода, как много времени они отдают учебе, несмотря на загруженность их общественной работой, как реально сейчас для многих из них надежда стать через 3—4 года инженерами, врачами, педагогами, как часто они посещают концерты и театры, в каких колониях отдыхают их дети, какие они книги читают, как у них проходит социалистическое соревнование, как они передают свой технический опыт русским, украинским, татарским, киргизским товарищам и т. д., и т. п.

Мы здесь не иностранцы и не инородцы. Мы — дети одной семьи, одной родины, и все мы изучаем свое дело, чтобы быть промаха быть по тем, кто попытается слушать свое свиное рыло в наш советский отпор!

Не желая закрывать действительность, рабочие без утайки рассказывают и об отрицательных явлениях. Они не скрывают того факта, что им неоднократно еще приходится преодолевать косность бюрократов, заседающих в советских учреждениях, что не всегда они встречают поддержку и со стороны некоторых товарищей по производству, людей, еще отравленных мелкобуржуазными предрассудками и навязками, что иной раз при виде огромных трудностей на пути социалистического строительства они отпадают во власть сомнений, испытывали мучительный внутренний разлад. Наменее вооруженные классовым сознанием дезертировали «с поля битвы».

А теперь, — с чувством гордой удовлетворенности сообщают ораторы, — они бомбардируют нас пись-

мами, в которых умоляют помочь им снова вернуться в СССР. Сейчас не только нам, но и им стало абсолютно ясно, куда ведет их путь и куда маш.

Присутствовавшие на встрече писатели были настолько исполнены всем услышанным, что некоторые из них отказались от предоставленного им слова.

Такой же скупостью отличался и слова Теодора Пильве:

— Не вы нас, а мы вас должны слушать. Для этого мы сюда и пришли, и сожалеть не приходится.

Только Вилли Бредель и А. Шаррер поделились с собравшимися своими впечатлениями о Западе. Тов. Бредель рассказал о жизни в фашистском концлагере, где он провел полтора года, а Шаррер — о тяжелой судьбе писателя в буржуазных странах, особенно писателя честного, революционного, не желающего торговать своими убеждениями. Писатель на Западе одинок. Каким странному, непостижимым, чудесным видением кажется после этого то, что пришлось увидеть в СССР, что особенно полно и ярко продемонстрировал первый всесоюзный съезд писателей — глубочайшая органическая связь советского художника с рабочими и колхозными массами, необычайное внимание к творчеству советского писателя, всеобщие заботы о нем.

На съезде писателей, — говорит выступавший последний на встрече драматург Эрнст Толлер, — в наблюдениях повседневного советского быта, при первом же ознакомлении с тем укладом, который сложился здесь за последние семь-восемь лет, т. е. с тех пор, как я был в СССР, я со всей остротой и глубиной осознал одно из своих самых страшных идеалистических заблуждений. Я долго верил, что изменение мира должно предшествовать внутреннему изменению самого человека. Я понял сейчас все необычайную мудрость, заключенную в марксистской формуле о том, что только «изменяя мир, человек изменяет самого себя».

Я часто задаю себе вопрос, — продолжает Эрнст Толлер, — какими образом сотни и тысячи людей, которые были бы в фашистской Германии обречены на стерилизацию, как «неполноценные» элементы, здесь, в стране пролетарской диктатуры, стали людьми, которые наравне с другими руководят предприятиями, участвуют в творческой жизни, ведут сознательную работу? Как это достигнуто?

Я отвечаю себе с полной уверенностью: общим революционным энтузиазмом, невиданной в мире творческой самокритикой, отношениями, которые могут возникнуть лишь в живой атмосфере свободы.

Друзья, товарищи! Мы учимся у вас. Ваш пример дает нам силу, мужество и уверенность. Знайте: всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, всюду, где бы мы ни находились в тот час, когда империалисты нападут на СССР, мы будем защищать страну победившего пролетариата, первую социалистическую родину человечества!

ДЕЛЬМАН.

ОТЧЕТНАЯ КАМПАНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде проводится отчетная кампания по съезду писателей. 9 сентября в Большом драматическом театре им. Горького состоится общегородское собрание писателей с участием рабочих-ударников ленинградских заводов и фабрик, представителей смежных областей искусства, ученых и т. д., посвященное итогам съезда. С отчетами выступят писатели-делегаты: Н. ТИХОНОВ,

К. ФЕДИН, Б. ЛАЗРЕНЕВ, М. СЛОНИМСКИЙ, М. КОЗАНОВ, Л. СБОЛЕВ, В. ШИШКОВ, С. МАРШАК, А. ПРОКОФЬЕВ и др.

Радио-отчет о съезде организует ленинградский радио-комитет. У микрофона выступят писатели-делегаты.

Отчетные вечера будут проведены в ряде клубов и домов партактива.

ПРОФСОЮЗЫ ДОЛЖНЫ ВОЗГЛАВИТЬ КАМПАНИЮ

Старая песенка: «вопрос проработки» нависает, намечается план, в ближайшем будущем сплунит директивами. Эту песенку затянули в дружном хоре как центральные комитеты, так и областные отделы профсоюзов, и не только они были запрошены о популяризации и проработке докладов писательского съезда.

Когда закончится эта «проработка» — сказать трудно. По всей вероятности, несоро.

Культотдел ВЦСПС этим вопросом интересуется, считая, что компания должна начать областные отделы. Культотдел МОСПС тоже находится в ожидании прояснения деловых дней. Идет передача дел по писательскому движению Оргкомитетом. По ассоциативной процедуре появится штатная единица, которая, да, займется всей работой, в частности и разъяснением решений съезда писателей.

А из заводских коллективов уже поступают заявки на докладчиков.

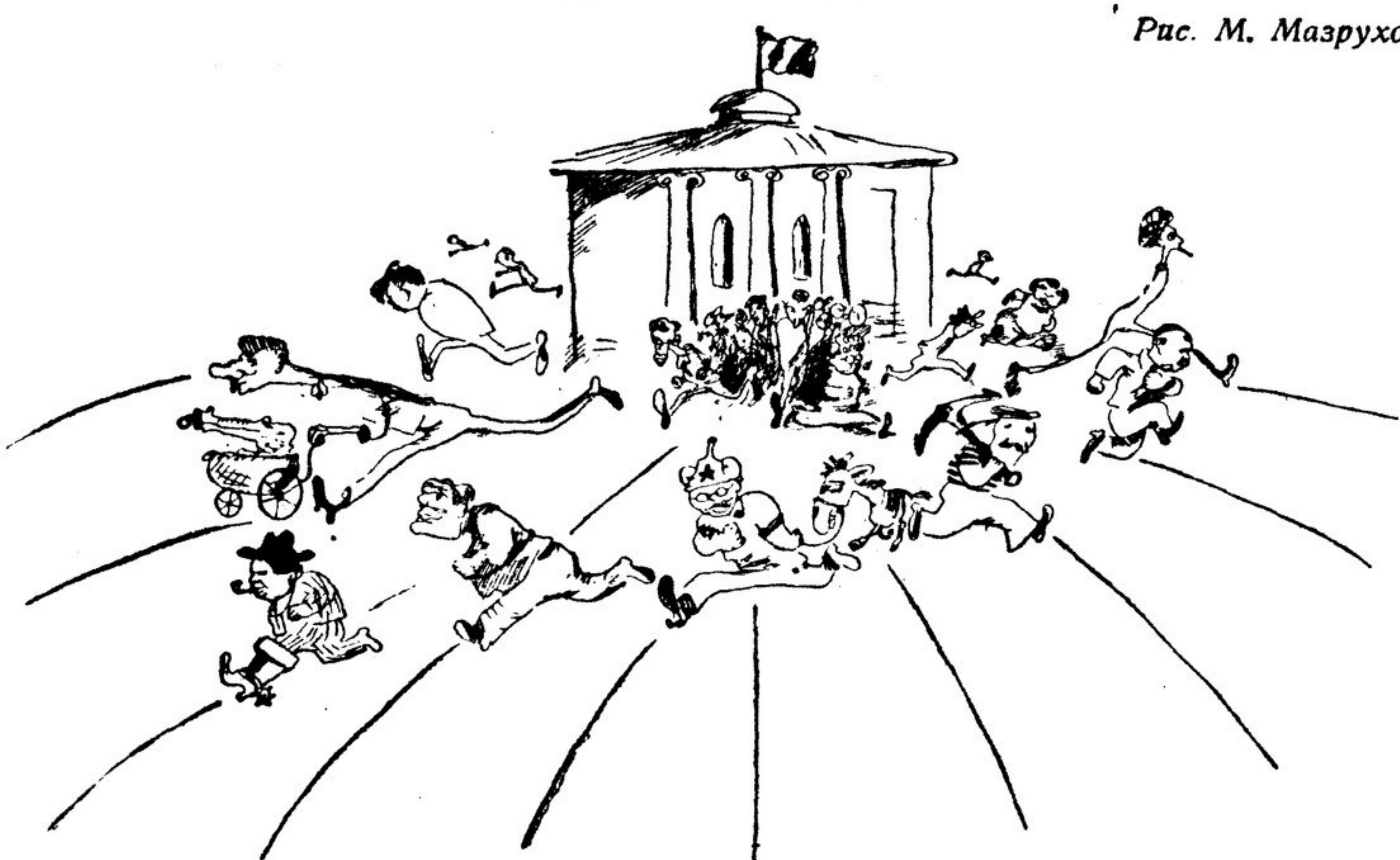
Широкие массы читателей намерены обсудить решения съезда глубоко и всерьез. Они хотят услышать действительные, конкретные доклады, советы и помощь, а не общие разглагольствования и хоподные заверения о мощи советской литературы, которыми нередко угощают слушателей докладчики из «бюро выступлений».

В письмах, опубликованных в последнем номере «Л. Г.», динамовцы заявляют, что съездовский материал нужно подвергнуть массовому обсуждению. Готовятся к проработке и литкружки. Но справятся ли они с этой задачей? Без инструктажа едва ли.

Непосредственными руководителями идейно-художественного воспитания масс могут и должны немедленно откликнуться на их требования. Вся система профорганизации — культотделы, библиотеки, заводская печать, клубы, красные уголки — должна быстро включиться в работу по популяризации решений исторического съезда писателей.

ЗВЕЗДНЫЙ РАЗБЕГ...

Рис. М. Мазуха

К РУКОИСЯМ, К РАБОТЕ

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДНОСТЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

ЛЕНИНГРАД. (РОСТА). Академия наук СССР приступает к планомерному изучению культуры ряда народностей, в частности Таджикистана. В первую очередь обследуются одна из древних народностей — ягнобцы, живущие в долине р. Ягноб. Культура и быт ягнобцев до сих пор почти не изучены ни историками, ни этнографами. Собранные материалы о культурном прошлом этой народности прольют свет на историю одной из древнейших иранских культур — согдийскую.

КОНКУРС НА КРАСНОАРМЕЙСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПЕСНЮ

РОСТОВ-ДОН. (РОСТА). Полтуправление СКВО объявило по Северо-кавказскому военному округу конкурс на лучшую походную и хорскую красноармейскую песню на языках народов Северного Кавказа. Срод представлять песню на конкурс — 1 января 1935 г.

К участию в конкурсе привлекаются писательские и музыкальные силы автономных национальных областей и работников национальных частей РККА.

Славянской культуре

Есть поэты, которые всю жизнь прожили в воображаемом мире. Есть поэты, которые не отрываются от непосредственных впечатлений окружающей действительности и, не мудрствуя лукаво, воспроизводят свои произведения в фотографически точных стихах. Истина, как и всегда, лишена односторонности. Эскерман вспоминал об одном разговоре с Гете, особенно ясно подтверждающим это. Рассматривая копию знаменитого миссал-алжелевского «Монсея», Эскерман заметил, что статуя хороша, но руки «Монсея» чересчур велики. Гете ответил ему (о самой смерти Эскерман, должно быть, не смог понять, было это сказано всерьез или же великий поэт пошутил), что руки «Монсея» должны быть больше обычных человеческих рук: ведь в этих руках держит пророк сержанца.

Это шутливое замечание прекрасно подчеркивает своеобразие искусства. Искусство всегда должно быть объективнее действительности, а не просто ее воспроизведением.

Все говорит об отставании поэзии от жизни, но мало что представляет себе ясно, почему это происходит. Многие думают, что достаточно дать стихотворные зарисовки наших достижений, поэмы о героях строительства, лирические стихи о колхозах и отставание будет преодолено. Слов нет, все это необходимо, но самой технической базой стиха поставлен предел возможностям описательной поэзии. Основным в поэзии всегда остается существо ее — человеческая личность, ее развитие и движение. Подлинная поэзия всегда лирична. Огненные этические жары — выдумка гимназических учебников литературы. Романтизм «Божественной комедии» рождается не в абстрактных формулах выдуманной этической бесстрастности, а в живом движении человеческой души. Лирические отступления в «Евгении Онегине» строятся иначе, чем лирические строки «Божественной комедии», но смогу ли доказать кустарные теоретики, что нет лирики в тех взволнованных строках, которыми начинается повествование Данте:

*Nel mezzo del sanpium di nostra vita,
Mi ritrovai per una selva oscura,
Chè la diritta via era smarrita.*

Тов. Сталин сказал о писателях, что они должны стать инженерами душ. Семь лет назад, захлебываясь в наушанных абстракциях, мы боялись употребить в стихах самое слово «душа». Оно казалось нам идеалистическим, мещанским, тем не формулировке, более глубоко выражающей сущность поэзии. Мы должны быть инженерами человеческих душ, мы должны выразить в ясных и классических точных формулах то, что зачастую стихийно и бессознательно происходит в душах и сердцах наших современников. Мы должны образно выразить в поэзии новое мировоззрение, но нет ничего более вредного, чем подделка под культуру, которую мы находим в стихах некоторых поэтов. Поэт, стремящийся дать в своих стихах образный перечень текущих достижений науки, никогда не создает исторически значительно произведения. Подлинная поэзия живет методом науки, принципами науки, сущностью науки, и в то же время она глубоко народна и самими корнями своими уходит в творческий вымысел великого народного эпоса. Таков «Фауст».

Народность — вот слово, которое

В. САЯНОВ

мы всегда должны помнить, работая над стихами. Народность — лучшее испытание поэзии. Я говорю здесь не о соскакивающей всеобщей поэзии, которую кое-кто штыряется возродить у нас, не доказывая необходимости писать просто и не проводя возврат к былинным сюжетам Алексея Константиновича Толстого. Я говорю лишь о самом существе поэзии, о том, что делает народным пушкинское «Медное всадника» и гетевское «Фауст».

Высшим счастьем для поэта всегда будет сближение его стихов с языковым творчеством масс, слияние с веснами, стихийно рождающимися в глубинных недрах души народо-языковорца. С умным и понимающим поэзию человеком мы спорили недавно о Беранже. Разговор начался с обсуждения статьи Леконта де Лилля, как известно, отказывавшего великому народному песеннику в звании поэта. Мой собеседник долго указывал на слабые стороны поэтического мастерства Беранже, на ограниченность его мировоззрения, на мелкобуржуазную полноту отдельных стихотворных характеристик, но я аргументировал свою любовь к Беранже тем, что для меня лично является высшей похвалой поэту: глубокой связью песенника с народом, его могучим воздействием на процесс массового языкового творчества.

Народная поэзия в моем понимании — вовсе не популярная поэзия, или доступная поэзия, или поэзия народных сюжетов. Народная поэзия — не обязательно простая поэзия, понятная каждому читателю. Наш поэт не должен «популярить изыски», выражаясь языком Игоря Северянина. Не следует плестись в хвосте читательских вкусов, всегда нужно поднимать сознание читателя на новую, высшую ступень. Простота должна быть органической, а не выдуманной. Поэт, упрощающий стих, исходя из абстрактного представления о читателе, неизбежно несет возмездие, когда выплывает кустарный уровень масс.

Подлинно народным поэтом нашей эпохи будет тот, кто сумеет образно раскрыть надежды и чаяния многомиллионных масс. Новое рождается вокруг нас, на каждом шагу, в каждом движении человеческой души. Родаются новые профессии, самое существо которых — социалистическая радость. Вот планут и поют затейники на бесконечных полях нашей родины, в ее колхозных садах и рабочих парках, и как ясно представляется эта веселая молодость души новых, разностно живущих людей, человеческую поросль, созданную революцией, штурмующую великие Эльбруса и вершины Альп полярных морей, солончаковые пески пустынь и джары научных гипотез. Поэты-упрощенцы, походя в такой теме, как затейничестве, ограничившись бы последним новым профессией, подлинный же народный поэт искал бы в этой теме глубокие внутренние связи, образно раскрывающие понятие социализма, самое существо новой социалистической радости.

Неправильно думают некоторые поэты и критики, полагающие, что основное отличие новой лирики от старой заключается только в теме. Нет, это неверно. Достаточно посмотреть стихи начинающих поэтов, чтобы убедиться, как вредно переоборудование лирики кустарными средствами. Есть 10—15 схем лирического

стихотворения, которым особенно повезло у нас. Это какие-то странные, нигде не подписанные прикурлары и инструкции, которыми забивают головы начинающих поэтов. А жаль. Ведь так широки пути лирики, так многообразны ее дороги.

Я писал выше о народности литературы, и здесь особенно важно подчеркнуть значение языковых вопросов, которым такое большое внимание уделяет Алексей Максимович Горький. В этой связи, мне думается, бесполезно сказать несколько слов о себе и предостеречь молодых поэтов от увлечения тех наивных представлений, которые казались единственно правильными нам в дни наших юношеских увлечений. Начиная работать в области поэзии, я писал отвлеченные, лишенные крови стихи, в которых покаялся Блок и Гумилеву. Потом, работая в комсомольских степных лагерях старых дендропарков заводов, друзей с ребятами рабочими застав, я, как кубики, складывал новые, необычно звучащие слова из разговоров, так рождалась моя первая книга. Мне казалось тогда, что здесь путь нового рабочего эпоса. Теперь уже ясно видно, что это было, не во всем, правда, плодом юношеских увлечений и наивных представлений об особом рабочем языке, враждебном языку классической русской литературы.

Мне кажется, что, говоря о своих ошибках, я имею право сказать и об ошибках других поэтов. Мне довелось недавно прочитать начало новой стихотворной поэмы Сельвинского. Хорошо, что поэт обращается к интернациональной тематике, находит новые образы и новые герои, но плохо, что большинство его героев говорит, акцентируя. Это прием — педантичный большой поэты. Французское «нижегородским» когда-то прекрасно смешивал Мятлев, но его Курдюкова, странствующая за границей «дан д'этржан», была остроумным созданием призрачного поэта.

По инициативе Алексея Максимовича издается Библиотека поэта, многотомный, энциклопедический сбор русской поэзии. Поэты-классики и забытые русские поэты предстанут, наконец, перед читателем в некажущей пену и старой академической редактуры виде. Наряду с этой серией необходимо создать большую серию книг по истории и теории поэзии. Необходимо ускорить работы над созданием толковых словарей русского языка. Молодые поэты должны учиться по хорошим книгам. Эти книги необходимо создать. Мы учились, к сожалению, часто по кустарным, плохим книжкам, но многого доходящим собственным умом, много узнавали сличком поэзии. Новое поколение поэтов должно расти в более легких условиях.

Шота Руставели

литературы, которые в других деталях описаны марксист лириком, высшее феодальное общество и тот большой феодальный и культурный коллектив, каким являлся средневековый монастырь; наконец, в одном наиболее значительном памятнике этой литературы, открытом и названном академиком Марром, в «Житии Григория Хандидского», в виде новеллы представлены романтические эпизоды, передающие атмосферу высшего феодального общества, резко порицаясь в точной эстетической-критической манере. Все это духовная литература, почти и без исключения, характеризует крайнее националистическое сознание, переходящее в мессианизм и доходящее до того, что автор одного поэтического произведения («Похвала грузинского языка») говорит, что грузинский язык является избранным среди всех языков мира и что во время второго пришествия Бог будет судить человечество на этом языке.

АЗАТ ВШТУНИ Армения

Страна моя, ты помнишь ли века Тяжелые, кошмарные, немые,
На свитки жемчужные перга, руки,
Чтоб вызвать к жизни образы былые.

Я углубился в книги старинны,
Я разобрал пергамент летописцев,
И образ встал моей родной страны,
Набросанный, как будто живописцем

И пиришества тиранов и царей
И мрачные углы средневековья
Глядят на блеск великих наших
Дней,
Исполненных героизмом и любовью.

А деспоты боролись меж собой,
Дома и храмы обращая в груды,
Ному быть первым над немой
Страной,
Над обездоленным, забытым людем,
И чтобы крепче властвовать над ним.

Монастыри он создал на подмогу,
Пусть беднота живет трудом своим
И молится невведому богу.

Я вижу толпы бедных мужиков
Голодных, и раздетых, и разутых,
Земля дрожит от гула их шагов,
Владыки жмут волнения и смуты.

Они идут. Пути их — не легки,
Они — творцы богатств и урожая —
Рабы, ремесленники, батраки,
Живущие в лагучах и сараях.

Сивозе времени и ветра пласт
Густой
Я слышу ясно миллионы ропот
Как стон немых из пропасти глухой,
Как дальнего прибора ропот.

То бедняки, готовые к борьбе,
Крик ярости гнева испускают,
Богатые же — верные себе —
Их мучают, их гонят и терзают.

И в час, когда терпенье потеряв,
Вздыхаете бешуночную массу,
Огню дворцы и храмы их предав,
Я волно чувствую и силу класса.

И снова вижу я далекие годы,
Когда улыбой, хитростью, обманом
Подрались с нашими бедными городам
Другие кровоедающие тираны.

Они пришли от северных полей
С крестом на шею, славослова бога,
И все предатели страны мои,
Их встретили любовью у порога.

А у станков и в мрачных рудниках,
И у построек железнодорожных
Рабочие в мучительных тисках
Готовятся к восстанию осторожно.

Растет их сила, крепнет их заклад,
За ними обездоленная масса,
Так постепенно — смутная пона —
Рождается необходимость класса.

Все это было чуть ли не вчера
Лулак и маузер друг другу вторят,
Я помню дни, а помню вечера
Новарных выстрелов, тоски и горя.

Тираны старые в одедах новых,
Власть золота, мунцов и грабежа,
А бедняки попрежнему без крова
Свои локмоты грустно сторожат.

Приветствую тебя, двадцатый год,
Год героический, краснознаменный,
История с него ведет свой счет
Великий, гордый, светлый,

непрерывный,
Армения рабочих и крестьян,
Перелестил я новые страныци,
История нам новый поугн дан
За дело ленинское битвы.

Армения — советская страна,
Победы знамя над тобою везет,
Несет нам пролетарская весна
Еще невиданную эпопею.

Перевел с армянского
ЮРИК ИВНЕВ.

В ГИХЛ выходит роман Виктора Гюго «93-й год», иллюстрированный французскими художниками 70-х годов, современниками автора. Мы помещаем гравюры на дереве художника Дамиля Вьери.

В ПОХОД на ОТСТАВАНИЕ

О творческом под'еме, о нашем единомыслии, о том, что наш под'ем и наше единство есть результат великого исторического процесса, что первое место в этом процессе занимает победоносная носительница теории Маркса, Ленина и Сталина — наша партия, о наших успехах на всесоюзном съезде говорил многие.

Мы сделали очень много. Перед нами стояла задача организовать писательские страны — дело новое и чрезвычайно трудное. И именно потому, что оно новое и трудное, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы правление нашего союза поставило организационную работу предельно высоко, так, чтобы мы с наименьшей затратой сил преодолевали отставание, о котором говорили и мы, и докладчики, и все приветствованные нас рабочие, колхозные и общественные делегации на всесоюзном съезде писателей.

Вожди нашей партии установили истину: самое губительное для любой организации трудящихся — это некорректное руководство, рыхлость его связи с массой и вырастающая на этом горы бумаги, недоступность руководителю, ожидания в приемных, записи у секретарей, множество кабинетов, заседательство и т. д. Чем больше всего этого, тем дальше руководство организации от объединения ох людей и их живого дела.

Мы — новый союз, у нас — новые задачи, и наше правление должно быть крепко связано с нашими творческими планами, с их выполнением, а мы, в свою очередь, должны знать, как оно, наше руководство, уязвляет нашу творческую работу с общими задачами союза и страны.

Это будет возможно, по моему убеждению, лишь в том случае, если наше правление сразу приступит к организационным мероприятиям, уязвляющим всех нас в нашей повседневной деятельности так, чтобы мы не только были хорошо осведомлены о жизни союза, но и чувствовали всю силу направляющую волю нашего руководства.

Надо прежде всего обеспечить на-

Н. ЛЯШКО

ши вышедшие творческие силы творческими лабораториями. Такого рода лабораториями должны быть наши толстые литературно-художественные журналы. У нас много критиков, очеркистов, но мы не имеем ни толстых журналов, ни даже обзорной, летописей событий, и не имеем их потому, что наши силы организованы не на работе, а не организованы они на работе потому, что в наших толстых журналах вместо единства организующей воли и вкуса парит выходящая творчески избыточная коллективность, редактор-организатор, делающий журнал и отвечающий за него так же, как отвечает писатель за свою работу, у нас декларационная, утончая коллективность.

Во-вторых, — и это самое главное, — нам пора приступить к об'единению наших разрозненных усилий по повышению качества нашей творческой работы. Мы преодолеваем препятствия, да, мы пролетаем, но с огромными накладными издержками.

Нам надо ликвидировать суб'ективно-вкусовую, усаченную благомерными клятвами на верность идеологическо-марксистской литературной теории, а в действительности чаще всего групповую оценку нашей продукции. Ликвидация такого рода предных оценок — дело, которое по плечу только всей организации, и приступать к этому делу надо не постановками, а делом, которого давно ждут партия и страна. Я говорю о социалистическом соревновании писателей между собой.

Взглянем на это дело мужественно и трезво. Допустим, что все члены нашего союза, вступаая в договорные отношения с издательством художественной литературы, тем самым вступают в социалистическое соревнование между собой на создание самой лучшей по художественно-социальной значимости книги в этом,

например, или в следующем году — книги по любому разделу: проза, поэзия, драматургия, критика и т. д. Нам никто никогда не давал такой. Так и здесь: писатель пишет книгу, на которую он заключает договор, и только. Каждое издательство при помощи нашего союза, партии и читательского актива (через профсоюзы) образует при себе жюри. Жюри каждого издательства ежемесячно выдает лучшие книги, издаваемые издательством, ежемесячно публикует в печати свои решения и привлекает внимание широкого читательского актива к обзорным книгам. А в конце года или в начале следующего года все издательства республик или всего Союза создают единое жюри. Последнее выбирает из обзорных жюри отдельных издательств книги самые лучшие, организует республиканский или всесоюзный праздник лучших книг в году и премирует их авторов.

Что ждет нас на этом пути? Героическая борьба на первенство по качеству, во-первых! Ни одна хорошая книга не будет утеряна в молчании, во-вторых! Ни провинная культура, ни раздутые групповыми влиятельными редакторами книги не будут иметь успеха, в-третьих! Наши творческие ряды будут в непрерывном напряжении, в-четвертых! Мы повысим качество критики, редакторы, выпуска книг, в-пятых! Все наши организации будут жить и дышать делом борьбы соревнующихся, в-шестых!

Этого ждут от нас партия и страна, и мы, червяк в мире творческой союз писателей, с этого должны начать свое организованное существование.

Делать творчески и организационно!

В ногу с руководимым партией пролетариатом, на заводах и фабриках поющим громовые песни социалистического соревнования!

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Органическое развитие грузинской культуры часто прерывалось вторжением мусульманских соседей, водворяемых религиозным фанатизмом; поэтому невозможно представить краткий очерк эволюции грузинской литературы в том виде, в каком можно представить эволюцию, например, французской, немецкой или русской литературы. В Грузии за полемом духовной культуры часто следуют глубокие провалы, и новые поколения приходится начинать как бы с нуля, забывающих о достижениях предыдущих поколений. Расцвет грузинской средневековой литературы совпадает с XII в., но затем начинается покрытый мраком период — XIII, XIV и XV вв., но оставшиеся из одного литературного памятника, который бы имел сколько-нибудь значительную художественную ценность. В то время, как грузинская литература в феодальную эпоху, часто даже в феодах, выживает поразительно стойко с современной ей европейской литературой со стороны классовой идеологии, развития сюжета и чисто формальных достижений, — своеобразное возрождение грузинской литературы закладывает почти на три столетия, она начинается в конце XVI — начале XVII в., и между ней и литературой европейского ренессанса сравнительно мало общего как со стороны идейного содержания, так и со стороны художественного оформления. Это, между прочим, объясняется и тем, что главным источником грузинского «возрождения» выступила не гуманистическая образованная буржуазная интеллигенция, как, например, в Италии, во Франции или в Германии, а передовой отряд феодального класса, постепенно переориентировавший культурную ориентацию и повзвращавший лицом от Персии в Россию и Европу. Грузинская литература сначала оцупила, по тому уверенности шагала вперед по новому пути, она обновила и обогастила идеями, ведущими к освобождению от трафаретов персидской поэзии, но слабое раз-

ГЕРОНТИ КИКОДЗЕ

витие национальной буржуазии до конца XIX в. мешает ей создать в области типичных буржуазных жанров, например в области пасторского, авантюриного или салонного романа, шедьеры, которые достойны были бы стать наряду с шедеврами европейской буржуазной литературы, как грузинский феодальный эпос стоит наряду с европейскими феодальными эпопеями.

Древнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Древнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Древнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Важнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Важнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Важнейшие литературные памятники, имеющие независимое художественное значение, связаны с внедрением и распространением христианства в Грузию: это так называемая архаическая литература, наиболее архаический образец которой относится к V в. Эта литература в Грузии, развивалась под влиянием сирийской, армянской и византийской литературы, ее параллели можно найти и в средневековой европейской литературе («Житие св. Алесксы и др»), ее язык составляет проповедь христианства сначала против персидского малячества, потом против арабского магометанства; она акцентна по своей тенденции, но в сравнении с европейскими и византийскими «житиями святых», в ней меньше мистицизма и больше здорового, жизнедостойного реализма, она почти совершенно свободна от схоластического духа и в своих лучших памятниках законическим языком ярко рисует быт высшего грузинского общества предфеодалной эпохой.

Рис. Евгана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

ЧИТАТЕЛЬ: — КАРАУЛ! ОБВЕШИВАЮТ!

Искусство быть простым

ИЗ МОНГОЛЬСКИХ ДНЕВНИКОВ

Б. ЛАПИН
З. ХАЦРЕВИН

Месяц назад, путешествуя по Восточной Монголии, мы оставались в Далай-Сайн-Шанде...

Искренне говоря, — сказал он нашему переводчику, — я не собираюсь беседовать...

Монгольская народная республика — высокогорные степи, где трудно дышать приезжим; дневные жары, спалающие по вечерам...

В его юрте мы увидели кровать, застланную пестрым одеялом, велосипед, ящик с тибетскими книгами, фотографии женщины...

Написавшие воды, мы вошли в белую юрту губернской канцелярии. Шивоники народного правительства сидели за письменными столиками...

Между нами произошел следующий разговор: — Вы давно занимаетесь литературой?

На полу канцелярии сидело шесть посетителей — худые красные стеники с глубокими рябинами на щеках. Один из них был буддийский монах...

Вечером полки сильной жолы, и выехали из Сайн-Шанды было рискованно. Под зонтиками мы пошли смотреть любовательское представление...

Письмоводитель выслушал эти заявления и записал для сообщения губернскому начальнику.

— Кто ты, незнакомец? — Я — длинноногий монгольский богатырь.

— Зачем ты пожаловал? — Сейчас узнаешь. (Общая потасовка.)

Прощаясь Содоном-Дарджем дал нам этот рисунок — музыкальный инструмент в чаше с кумысом — символ искусства.

Этот писмоводитель был Содоном-Дарджем, гобийский литератор.

и манеры кавалериста. Он принадлежал к поколению сорокалетних. Перемысли, испытанные монгольским государством за четверть века...

властительницей своего сердца, но и перед патриотом или созерцателем, особенно перед царем «Служба патриоту» не могла не пролиться; душа умирнула на царей возносится на небо...

Ночь мы провели в юрте Содоном-Дарджем, среди книг и охотничьих ружей. Засыпая, мы видели, как он сидит, наклонив живот к огелю, во главе керосиновой лампы — полуголый, потный, похоловший на замке...

Но эта блестящая рыцарская мораль имеет и свою менее привлекательную обратную сторону: она лаятельна только в узких границах того высшего аристократического слоя, к которому принадлежат сам рыцарь...

Записав эту биографию, мы прочли его рассказывать, как он работает над пятидесятилетиями, о которых мы часто слышали в гобийских кочевьях.

Несмотря на эту убогую основную мораль «Тигрова шкура» остается величайшим творческим человеческим гением, неразрушимым маяком давно отомедневшей эпохи, пережившей современные доведениям свои дурные, благородные порывы.

Мы вспоминали о нем во время съезда, увидев Сулеймана. Рабел и поэтот 46 советских народов.

Статье о романе Бориса Житкова «Виктор Вавич» уместнее всего назвать о похвалах нашей детской литературы.

Общественных формаций, единичные представители которых впервые появляются на страницах романа как случайно забредшие, но на самом деле все увеличиваясь в своем количестве...

Вот этому-то равноправию и принципиальной равноценности нашей детской литературы о литературе для взрослых и обязан Борис Житков...

Взав основу своего романа, как и полагалось детскому писателю, очень конкретный и пластичный во всех деталях образ Виктора Вавича, Борис Житков не сумел или не захотел встать на этот уровень.

Пока написана только первая книга романа. В отличие от многих других сюжетные и психологические силы романа распределены в ней так, что нарастающее и раздвигающееся в своем внутреннем смысле содержание книги не исчерпывает к ее последней странице, чтобы быть искусственно возобновленным во второй книге...

Почему пока, до появления второй книги, которая может совершенно по-иному объяснить неадекватные психологические состояния первой, Виктор Вавич в портретной галерее романа Житкова остается самой интересной, подкованной, «замаскированной» фигурой.

Тема романа очень далека от тех фактов и событий, о которых Борис Житков рассказывает в своих детских книжках. В нем недостаток проницательности в смысле подлинной сути, она опирается на субъект увлечения, но безродного молодого человека, который в силу ряда обстоятельств становится квартирным надзирателем.

Книга заканчивается сценой разгара рабочей демонстрации и парским манифестом о войне с Японией. У нас сведения влиятельные социальные условия романа, и дальнейшее развитие его центрального образа уже немыслимо, потому что, чтобы ему было противопоставлено столько же живые и художественно полноценные герои революционной среды.

Вот это дышащее зноем пустыня, то благоухающее широкими розовыми лепестками утолщенными ветвями солончу выжте моря; предвещает отбрасывает быт и нравы царского двора, феодальной аристократии и горючей буржуазии; он любит этот «могучий» мир, его приволяет в восторг сила и гибкость юношеского тела, облегающего в панталон или в тигровую шкуру, красота голого женского тела, ласкаемого горюстоставой мантей, шуршащие алотаточные материи и блеск драгоценных металлов и камней.

Вот это сходство с западной литературой идет дальше. Как и в романах «Круглого стола» и в поэзии «Трубадуров» и миниатюристах, в «Тигровой шкуре» главной действующей силой выступают рыцарские общности со своими особыми функциями, своими достоинствами, моральным кодексом и этикетом.

Во всемирной литературе трудно найти другое произведение, где бы женщина провела столько актив-

ности и индичативы, какие проявляет героиня «Тигровой шкуры»; в опасные моменты жизни она обязана выдержать порок, выдержать удар, выдержать и трезвость ума и так указать верный выход из сложного положения рыцарю, радиарскому страсти и потерявшему терпение. Ни в «Книге царей» Фирдоуси, ни в романах Ниазма, оказавших безусловное влияние на «Тигровую шкуру», нельзя найти параллель героини Руставели, что прежде всего объясняется тем, что вместе с распространением ислама и введением гарема женщина в персидско-аристократическом мире постепенно потеряла то немалое положение, какое она занимала при господстве язычества.

Герман Хохлов

В Москве существует специальное драматургическое издательство — ЦЕДРАМ (Центральное бюро по распространению драматургической продукции). Роль ЦЕДРАМ выпускает пьесы, драматические спектакли, со скринными полуголовками на обложке «На правах рукописи».

Вот, например, пьеса М. Нефедова «Мистер Ватсон на родине». Не говоря уже о чрезвычайно низком художественном уровне и идейной бедности, она попросту неграмотна. В предисловии автор пишет: «Работая над пьесой, я имел в виду исключительно клубные и самодеятельные театры».

Ю. Розенбаум-Арнов, «Юбилар». Эта пьеса является по существу драматизированной заметкой селькора о хитрецах в сельском кооперативе, вскрытых Комиссией советского контроля.

С. Новиков, «Легкий человек», комедия. Совершенно загадочное произведение. В тесье трудно обнаружить даже какое-либо подобие ведущей темы или проблемы. Главным героем — комсомолец, изменивший жене. Все действие вертится вокруг этой аляповатой. Некоторые подобные фавбулы создаются сложной и наивной танцевальной интригой.

С. Ветлукин и Н. Мерцальский, «Ирушение». Тысяча лет пьеса на тему о перестройке иностранного специалиста, работающего на советском заводе. Ни одного свежего доклада, образа, фразы. Все разложено на острые концы и спущено. Язык вялый, характеры не выпячены.

«Желать унизить войну — это все равно, что желать унизания того, что матери рожают на свет детей». «Духовное рождает во мне скуку. Мне отвратно каждое печатное слово». «Интеллект отравил наш народ». «Ряд «практических целей» о многом не следует писать. Во всяком случае: Не поощряйте свободу половой любви».

«Против классовой борьбы и материализма, за общность народа и идеалистической быт. Я предаю огню писания Маркса». «Против декаданса и упадка нравственности, за дисциплину и нравственность в семье и государстве. Я предаю огню писания Генриха Манна, Эрнста Гусера и Эриха Кестнера». «Против литературной вымеченности миру войны, за воспитание народа в духе боевой готовности. Я предаю огню писания Эрнста-Марии Ремарка».

«Против выскочки и высокомерия, за уважение и благоговение к безоружному германскому народному духу. Погибши, пламенная, и писания Курта Тульзского и Карла фон Осекенского». «Пожарные прибегают, с итерыми берлинские студенты предавали огню 10 мая 1933 г. «маришкетскую и родственную ей разлагающую литературу».

„Сириус“

Настоящий отрывок — последний глава поэмы о команде стратогата «ОАХ-1» — о Федосенко, Васенко и Усыскине.

Дни проходят. И скоро Пройдут и ступают годы. Острова зеленеют... Стоят голубая погода... И по улице стройной Идет одиноко старуха Снегом прошлой зимы Сербирется ее голова. Сердце! Сердце мое, Я прошу — Будь спокойней и глуше, Помогни мне найти Молодые, живые слова. Мать идет мимо стен, Где остались давнишние пули. Вот проспект Октября, Это улица — память Июля. Мать идет по мостам — Вот коней крутоногих лыть. У дверей, где охрана. Конструктор встречает ее. Он берет ее под руку — Рука от волнения жмется. И они поднимаются Выше по лестнице. Там На столах и на досках Лежат чертежи стратогата — Тонкогие циркули Ходят по белым листам. У конструктора в горле Клокочет непрошенный кашель, Его тонкие щечки Тревожною краскою горят. Он старуху ведет. Он ее называет мамашей. О полетах, о тьме Слова говорит невпопад. В редничью ей кладет он Желтеющий номер «Известий», Там портреты героев И пестрые строчки стиха. Он еще вспоминает — С Ильиной Усыскиным вместе В институте учились. И вдали в Крым отдыхать Грустно смотрит в окно Эта мать, потерявшая сына. И улыбка бежит По тоской искривленным губам: Там проходит толпа, Там встречают Спешными со штынями, И знамена гулят, И победу играет труба. Сверкают штыки, Идут моряки — Сине с белым Сортомки. В ногу нога, В ногу нога, Под ветром прозрачным, Под ветром чистым, Идут пограничники. И строга Защитная спецодежда чекматов. И конструктор небритый Слегка улыбается тоже. Мать окно распахнула И смотрит на лица прохожих. Как близки эти люди, Как ясен их искристый взгляд! Ведь они на Ильюшу, На сына, на сына похожи, На трех стратогатов, Погибших полгода назад!

Отвественный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, телеф. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрешневский бульвар, 11, тел. 4-88-18 и 5-54-68.

ПЕРЕДОВОЙ ТЕАТР МИРА

БЕСЕДЫ С УЧАСТНИКАМИ ФЕСТИВАЛЯ

МЫ МНОГОМУ УЧИМСЯ В СССР

СТАНИСЛАВ МОЙЖИХ Директор Национального театра в Праге

Русские пьесы всегда занимали видное место в репертуаре Чешского национального театра. Уже в 80-х и 90-х гг. наш театр ставил Островского, особенно такие его пьесы, как «Лес», «Дикарка», «Без вины виноватые». Всегда в нашем репертуаре была, конечно, непревзойденная комедия Гоголя «Ревизор». В 90-х годах мы играли Толстого, Чехова, Горького. Начиная с 1906 г. чешский театр оказался под сильным влиянием московского Художественного театра. После войны у нас прошла волна непрерывных инспекцировок Достоевского — «Братья Карамазовы», «Бесы», «Идиот» и многие другие.

В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД, 7. (По телефону от наш. корр.). Утверждено правление Ленинградского лифтозда, председателем Мих. Слонимский, члены правления: М. Зоценно, В. Каверин, А. Дмитриев, Я. Горов и Н. Никитин. Директором лифтозда утвержден Т. Хаскин.

В Правлении ДО ССР СССР введены члены правления Союза писателей СССР гг. Зоценно, Тыннинов, Чапкин.

Радиокомитет в октябре проводит передачу «романа с продолжением» По нечетным числам будет передаваться «Голубая книга» М. Зоценно. Следующая передача «с продолжением» — новый роман Ю. Тыннинова о Пушкине.

Из просмотренных мною фестивальных спектаклей не могу не выделить интереснейшую постановку в театре им. Вахтангова — пьесу Славяна «Интервенция». Этот спектакль также принадлежит к разряду тех, которые не могут не вызвать у нас, иностранцев, глубокого профессионального интереса.

Новая Москва. Читальня на Цветном бульваре.

АКТЕР И ЗРИТЕЛЬ

БЛАНШ ЮРКА актриса американских драматических театров

Мне довелось по предложению американского режиссера Холстеда Уэлса, несколько раз сыграть роль Елены в «Днях Турбиных». Прельстели меня — женственность образа Елены, интимная мягкость роли и вся лирическая теплота пьесы.

Вполне естественно, что сейчас же по приезде в СССР я и мои спутники — исполнители ролей Ларисы и Алексея Турбины, а также режиссер Уэлс — поспешали прежде всего посмотреть постановку пьесы Булгакова в московском Художественном театре.

Спектакль нам очень понравился. Должна констатировать, что моя трактовка роли Елены, как и весь наш постановочный план, мало чем отличаются от того, что мы увидели в московском Художественном театре.

К сожалению, это единственное пьеса из современного советского репертуара, которую я знаю. С советским театром я знакома лишь по тем немногим спектаклям, которые были показаны у нас за границей. Мы не хотим сейчас поспешно критиковать спектакли, выданные в Москве. Скажу лишь, что мне очень понравились «Интервенция», «Ледяное озеро» и «Негритенок и обезьяна».

Меня особенно тронула забота советского правительства о юном зрителе. Ему дают такой прелестный, сделанный с большим вкусом спектакль. Занимательность действия, яркость сценических красок и в то же время изящная целенаправленность представления способны дать детям полновесное эстетическое воспитание.

Замечательной особенностью советского театра я считаю его традицию углубленно работать даже над самыми маленькими ролями. В советских спектаклях нет «гастролеров» и «подгряжающих» им исполнителей. Роль каждого на сцене ответственна. В «Князе Игоре», например, показанном в Большом театре, в массовых сценах я не видела пресловутых оперных статистов: каждый образ сделан четко и выпукло.

Из просмотренных мною фестивальных спектаклей не могу не выделить интереснейшую постановку в театре им. Вахтангова — пьесу Славяна «Интервенция». Этот спектакль также принадлежит к разряду тех, которые не могут не вызвать у нас, иностранцев, глубокого профессионального интереса.

Рис. Г. Берендгофа

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ. Выхли из печати и поступили в продажу: ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК. Крочковский Л. Кордун и зам. Роман. ГИХЛ. 1934 г. Стр. 240. Ц. в пер. 3 р. 50 к.

Критико-библиографический научно-исследовательский институт Огиз приступил к изданию обзоров периодической печати по вопросам искусства. ТЕАТР, МУЗЫКА, ИЗОИСКУССТВО.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. Принимается подписка на IV кварт. 1934 г. НА ЖУРНАЛ РЕЗЕЦ. „РЕЗЕЦ“ — литературно-художественный журнал.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ИНСТИТУТ (Девичье Поле, Б. Трубетский пер. 18) ОТКРЫВАЕТ ПРИЕМ Литературы, Искусства и Языка.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КНИЖНЫЙ ТЕХНИКУМ. ПРОДЛЕН ПРИЕМ до 15 сентября 1934 г. Техникум готовит работников системы КОГИЗ: заведывающих редакциями отделений, книжными магазинами и инструкторов книгопродавцев.

25 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

В будущем году исполняется 25-летие со дня смерти Льва Толстого. В ознаменование этой даты при Институте русской литературы Академии наук создана под руководством проф. Писанова постоянная литературоведческая группа для изучения жизни и творчества Толстого.

ОЛИМПИАДА ЮНЫХ ДАРОВАНИИ КОМИ-ОБЛАСТИ

В Сыктывкаре состоялась олимпиада юных дарований, в которой участвовали дети, приславшие из всех районов Коми-Области. Репертуар участников олимпиады отличался исключительным разнообразием.

Хорошие образцы самостоятельного искусства показала многочисленная делегация Сыктывкара: танцы Лины Черепановой и Иры Трапезниковой, чтение Лиды Ческовой, исполненной аркой из «Снегурочки» и т. д.

ХАРЬКОВСКИЙ ТРАМ

После успешной гастрольной поездки по Украине вернулся в Харьков Центральный ТРАМ.

ТРАМ выезжал в летние лагеря военно-воздушных сил Украины и Черноморский флот.

На гастроль ТРАМ показывал «Чудесный слух» Киршона, «Чужой ребенок» Шваркина и концертную программу. Огромным успехом пользовался «Чудесный слух».

Свои постановки театр показывал на открытых сценах, и количество зрителей на спектаклях достигало до 4000 человек.

За проведенную работу во время летней поездки ТРАМ награжден грамотой и получил ряд благодарностей от бойцов, командиров и политработников РВС УВО и Черноморского флота.

НОВАЯ ГРУЗИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Молодой автор Константин Лордкипанидзе — в известном смысле старый писатель. Он один из тех партийцев и комсомольцев, которые своим творческим трудом впервые в советской Грузии создавали пролетарскую литературную организацию.

Роман задуман с широким размахом, но автор нашел достаточно сдержанные, чтобы не увлечься пошлостью этим размахом. Он рисует нам нарастающую классовую борьбу в деревне, переход от открытых враждебных выступлений местных кулаков и торговцев к новым, скрытым формам борьбы: комбатам сержантов, лоботряпству рванцу в отношении средних крестьян, к вынужденному духанинцу Пихаия и к кулаку мужику Варнабе Саганелидзе.

Этот большой и разносторонний материал не распадается. Автор не страдает манерой «большого полота» во что бы то ни стало. Он цементует весь свой богатый материал биографией эпохи-батрака Меки. Этим роман приобретает сюжетную целостность и динамику, которая с самого начала возбуждает читательский интерес, усиливает его, ведет через различные перипетии к исходу, но далеко не углубляемому сразу финалу.

Уже в прологе читатель знакомится с Меки, этим пятнадцатилетним неуклюжим, забитым, робким бычком-батраком. Меки хочет вступить в «члалаоба» (в борьбу). Его появление в кругу восприятия с таким удивлением, будто «собака потянувшаяся в люди». Меки прозван «Хрикула», именем-стусом, проклятия, оскорбления, презрения Меки — батрак У духанинцы, который вытравив образ человечности в духовном существе иномы. Меки даже кушает воровато, по-батрацки, удача момент, когда хозяин не смотрит в его сторону. Он так азбит, что лишь чувством самозащиты — на побой, наменски, ругань он реагирует жалкой, виноватой, туповатой улыбкой.

Может быть, густо немногочислен, но это не голый вымысел, а реальность, острота, экспрессия реалистического образа. Торопышный писатель «ср-толок», для которого связь содержания и формы в искусстве — загадка, заверное, посетил бы через несколько стран после начала вымысла на голову Меки одно за другим ряд чудес — он оставил бы Меки поспать на собрание батраков и на следующий день после собрания стать классом сознательным борцом против хозяина, еще через день покинуть хозяина и привлечь его к суду, потом вступить в комсомол и стать «большим человеком». Лордкипанидзе не обнаруживает ни этой торопливости, ни этой мнимой «ортодоксии». Он с терпением хорошего реалиста следит за тем, как действительно влиятельные жизненные метаморфозы подготавливаются в Меки явие и изнутри.

Частносоциальные представления, воспитанные в Меки — единственной средой, еще крепко сидят в паре. Характеристика Меки реалистична, обоснована жизненной обстановкой, всем прошлым и настоящим Меки. Автор делает понятным, почему он не кидается по первому зову на батрацкое обряжение, почему проходит определенный период, пока жизнь не выводит его из состояния инфантильности и пассивности.

После того как Меки возбужденный и разгневанный клеветой в дождь подкупленных кулаком Варнабей бедняков, разоблачает кулака и его наймитов, превращение Меки

Лордкипанидзе дал нам живой и увлекательный рассказ о классовой борьбе в грузинской деревне, среди «обитателей пор», не отступая от большевистской оценки этой борьбы, твердо стоя на почве фактов, жизни, быта именно Грузии, а не абстрактного пространства. Конечно, национальная форма не исчерпыва-

Имя писателя С. Бебело по поводу Голыковой программы.

Фестиваль 1934 г. Анри Иперк — вице-президент Международного театрального объединения — у микрофона после передачи «Двенадцатой ночи» из МХАТ.

После успешной гастрольной поездки по Украине вернулся в Харьков Центральный ТРАМ. ТРАМ выезжал в летние лагеря военно-воздушных сил Украины и Черноморский флот. На гастроль ТРАМ показывал «Чудесный слух» Киршона, «Чужой ребенок» Шваркина и концертную программу. Огромным успехом пользовался «Чудесный слух». Свои постановки театр показывал на открытых сценах, и количество зрителей на спектаклях достигало до 4000 человек. За проведенную работу во время летней поездки ТРАМ награжден грамотой и получил ряд благодарностей от бойцов, командиров и политработников РВС УВО и Черноморского флота.

Молодой автор Константин Лордкипанидзе — в известном смысле старый писатель. Он один из тех партийцев и комсомольцев, которые своим творческим трудом впервые в советской Грузии создавали пролетарскую литературную организацию. Роман задуман с широким размахом, но автор нашел достаточно сдержанные, чтобы не увлечься пошлостью этим размахом. Он рисует нам нарастающую классовую борьбу в деревне, переход от открытых враждебных выступлений местных кулаков и торговцев к новым, скрытым формам борьбы: комбатам сержантов, лоботряпству рванцу в отношении средних крестьян, к вынужденному духанинцу Пихаия и к кулаку мужику Варнабе Саганелидзе. Этот большой и разносторонний материал не распадается. Автор не страдает манерой «большого полота» во что бы то ни стало. Он цементует весь свой богатый материал биографией эпохи-батрака Меки. Этим роман приобретает сюжетную целостность и динамику, которая с самого начала возбуждает читательский интерес, усиливает его, ведет через различные перипетии к исходу, но далеко не углубляемому сразу финалу. Уже в прологе читатель знакомится с Меки, этим пятнадцатилетним неуклюжим, забитым, робким бычком-батраком. Меки хочет вступить в «члалаоба» (в борьбу). Его появление в кругу восприятия с таким удивлением, будто «собака потянувшаяся в люди». Меки прозван «Хрикула», именем-стусом, проклятия, оскорбления, презрения Меки — батрак У духанинцы, который вытравив образ человечности в духовном существе иномы. Меки даже кушает воровато, по-батрацки, удача момент, когда хозяин не смотрит в его сторону. Он так азбит, что лишь чувством самозащиты — на побой, наменски, ругань он реагирует жалкой, виноватой, туповатой улыбкой. Может быть, густо немногочислен, но это не голый вымысел, а реальность, острота, экспрессия реалистического образа. Торопышный писатель «ср-толок», для которого связь содержания и формы в искусстве — загадка, заверное, посетил бы через несколько стран после начала вымысла на голову Меки одно за другим ряд чудес — он оставил бы Меки поспать на собрание батраков и на следующий день после собрания стать классом сознательным борцом против хозяина, еще через день покинуть хозяина и привлечь его к суду, потом вступить в комсомол и стать «большим человеком». Лордкипанидзе не обнаруживает ни этой торопливости, ни этой мнимой «ортодоксии». Он с терпением хорошего реалиста следит за тем, как действительно влиятельные жизненные метаморфозы подготавливаются в Меки явие и изнутри. Частносоциальные представления, воспитанные в Меки — единственной средой, еще крепко сидят в паре. Характеристика Меки реалистична, обоснована жизненной обстановкой, всем прошлым и настоящим Меки. Автор делает понятным, почему он не кидается по первому зову на батрацкое обряжение, почему проходит определенный период, пока жизнь не выводит его из состояния инфантильности и пассивности. После того как Меки возбужденный и разгневанный клеветой в дождь подкупленных кулаком Варнабей бедняков, разоблачает кулака и его наймитов, превращение Меки